

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Э. А. Грунина

К ИСТОРИИ ФОРМ *NEĀ* И *NEĴĀ* В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение отдельных языковых категорий в их историческом развитии ставит перед исследователем вопрос не только о том, как они формально и семантически изменялись, но и о том, как эти изменения отражались в литературном языке. Такие моменты развития литературного языка, как расхождение письменной и устной нормы, различие региональной базы в разные периоды развития литературного языка, вносят необходимые коррективы в наши представления о том или ином явлении. В данном сообщении мы ставим своей задачей в свете сказанного дополнить наши знания о соотношении форм *neĀ* и *neĴā* на протяжении истории турецкого языка, используя данные и других языков юго-западной группы.

Зафиксированные в турецких памятниках формы *نجه* и *نجه* обычно сопоставляются с древнетюркской формой *neĀ*.

Аффикс *-ĉa/-ĉā* принято возводить к самостоятельному слову *ĉaγ* 'количество', 'количество времени', 'время' — точка зрения, выдвинутая в свое время О. Бётлингком¹. Эта точка зрения нашла развитие в работах Ж. Дени, который отмечал, что отдельные слова, передающие идею количества (типа **ĉaw, den*), становятся послелогоми сравнения сначала по количеству, затем по качеству, перерастая потом в послелог со значением предела². Г. Рамстедт сопоставлял *-ĉa* в образованиях типа *qaĉ* 'сколько' (*qa+ĉa*), *bunĉa*, *anĉa* 'столько' и *-ĉa* в образованиях типа *taγĉa* 'с гору (высотой)', связывая их с монгольским *ĉai*, корейским *ĉhai* в значении 'величина', 'объем', 'вышина'³. В. Котвич также выводил аффикс *-ĉa* из самостоятельного слова *ĉaγ* 'время', 'единица времени' (тюрк., монг.), 'мера, единица чего-либо' (тюрк.) в результате выпадения конечного согласного⁴. В дальнейшем, по его мнению, аффикс *-ĉa/-ĉā* стал показателем общетюркского сравнительного (урравни-

тельного) падежа. Автор специальной работы о показателе *-ĉa/ĉä/-žal-žä* в турецком языке З. Коркмаз отвергла этимологию *ĉa < ĉaγ*⁵. Аффикс *-ĉa* она рассматривает как древний падежный показатель, лишь в позднюю эпоху давший начало словообразовательному аффиксу. В падежном аффиксе З. Коркмаз первоначально считает значение равенства (по качеству и количеству), которое впоследствии переросло в значение предела. Большинство зарубежных исследователей рассматривают показатель *-ĉa/ĉä* как форму уравнительного падежа (*âquativ*)⁶. Анализ точек зрения о происхождении аффикса *-ĉa/ĉä*, а также сопоставление дополнительных данных из материалов различных памятников позволили Э. В. Севортяну в одной из своих работ по словообразованию прийти к выводу о том, что гипотеза О. Бётлингга о происхождении формы *-ĉa < ĉaγ < ĉaγ* сохраняет свое значение⁷.

Ж. Дени, рассматривая турецкую форму *nežä*, заметил, что ее не следует смешивать с формой *neĉä*. Указывая на различие форм *neĉä* и *nežä*, Ж. Дени подчеркивал не столько различие их семантики, сколько их разную этимологию. По мнению Ж. Дени, происхождение *nežä* следует связывать с формой *neĉik//neĉük* 'какой', 'каким образом'⁸. Точка зрения Ж. Дени была поддержана Г. Дуда⁹. В форме *neĉik//neĉük* некоторые исследователи видят составную форму, возникшую из *neĉä + ök*¹⁰. В турецкой форме *nežä ~ nižä*, отмеченной в памятниках и дошедшей до нашего времени, большинство исследователей склонны видеть региональный вариант *neĉä* (коррелят по звонкому согласному аффикса). Так, М. Эргин высказывает предположение, что форма *nežä* возникла из *nä + ĉä* и уже после долгого употребления в форме *neĉä* лишь в недавнее время превратилась в *nežä*¹¹.

Форма *neĉä* была отмечена в следующих памятниках и в следующих значениях:

др.-тюрк. *neĉä* 'как много', 'как' (Gabaïn, 100), 'сколько' (Малов, 402); Atebet.: 'как много', 'сколько ни', 'как', 'зачем' в написании *نيجه* и *نيجه* (XLVI); МКу: *نجا* 'сколько'; Abu-H: *نجا* 'сколько' с указанием что, в туркменском *نجا* выступает в значении 'какой' (с. 163—164); Ettuhf.: *نجا* 'сколько' (57 в); İbn-Muk.: *نجه* 'сколько' (022); Тефсир: *neĉä* 'сколько', 'как бы ни', 'сколько бы ни' (229); Muh-n: *نجه* 'как', 'сколько', 'сколько бы ни' (210—211); вост.-тюрк. *neĉä* 'как много', 'многие' (Brockelman, § 17) и др.

Таким образом, для древнетюркского языка и для более

поздних памятников восточнотюркского ареала авторы исследований отмечают в *nečä* в основном количественное значение. Если допустить, что исторически в форме *nečä* не дифференцировались значения подобия (сравнения) по количеству и по качеству (хотя можно предположить, что второго значения в данной форме могло и не быть), то это происходило через противопоставление формам *nečük*, *netäg* и другим со значением «какой», «каким образом». Хотя памятники древнетюркского письма в *nečä* не выявляют значения подобия по признаку, оно обнаруживается в коррелятивных формах от указательных местоимений: *tunča* 'такой', *unča* 'так' (Малов, 188). Если обратиться к данным современных тюркских языков, то обнаружим, что там, где эта форма имеется, она везде выступает лишь со значением количества ('сколько'), но не качества. Таким образом, можно предположить, что в большинстве тюркских языков для *nečä* общей тенденцией была семантическая однозначность формы.

Анатолийские памятники XIII—XIV вв. дают два графических варианта — *نيچه* и *نيجه* (или *نجه* и *نچه*), в которых исследователи видят в основном отражение неустойчивости орфографии. Отсюда и разные принципы транскрипции в отношении рассматриваемого явления. Например, М. Мансуроглу в своем критическом издании произведений Султана Веледа дает везде лишь одну транскрипцию: *nečä*, хотя в ряде использованных им рукописей мы находим одновременно как *نچه*, так и *نجه*. Напротив, А. Атеш в своем издании «Мевлида» транскрибирует указанные формы везде через *nežä*. Итак, могут быть поставлены следующие вопросы: а) существовали ли на протяжении письменной истории турецкого языка формы *nečä* и *nežä* как разные лексические единицы письменного языка, или реально существовала одна форма, получавшая разное выражение на письме в силу неустойчивости орфографии?; б) как соотносились между собою предполагаемые формы, какие изменения в их семантике можно проследить по отдельным периодам?

Гласный в формах *نجه* и *نيجه* на письме находил выражение через *ی*, иногда это была кесра *نيجهه*//*نيجهه*. Следует предположить, что здесь был полуузкий /é/, который или остался таковым в некоторых диалектах современного турецкого языка¹², или дал /i/ в литературном языке: *nižä*.

Для соотношения *نيچه* и *نجه* основной интерес представляет глухой или звонкий характер аффрикаты. Как пока-

зывают новейшие исследования по фонологической интерпретации турецких памятников, написанных арабским письмом, употребление ç и ç̣ (за исключением ауслаута) в основном носило мотивированный характер. Малоазиатские писцы использовали букву ç главным образом для передачи фонемы / \check{z} / и букву ç̣ для передачи фонемы / \check{c} /¹³.

Дифференцировались ли формы *neĉā* и *nežā* в тех памятниках, где фонема / \check{c} / в принципе получала графическое выражение?

Как уже отмечалось, в рукописях, использованных М. Мансуроглу для критического издания стихов Султана Веледа, встречается как ç̣ , так и ç . Ср.:

Mustafa göktā netā yardy aju,
Nežā (M. M.—neĉā) ajurydy javuzlardan geji (S. V. 19)

Как Мустафа рассек в небе месяц,
Как отделил доброе от злого,

т. е. ç̣ выступает в значении «какой», «как».

В той же рукописи:

Ujuda gör žavny, qanda gidār
Sinsüz anda ol neĉā iślār edār (S. V. 21)

Взгляни на свою душу, во сне куда идет она,
Сколько дел совершает она тогда без тебя.

Существование двух графических вариантов прослеживается и по другим памятникам. Ср. в «Гариб-наме»:

Ol bilür nežādügün alplyq dadyn (Garib-n, 423)
Он знает, каков вкус богатрства.

Qamusy nežā gidār birlige (Garib-n, 421)
Как все они идут к единению...

Neĉā joldaš aldylar (Garib-n, 417)
Сколько взяли товарищей.

В памятнике XIV в. «Калила и Димна» (в транслитерации А. Зайончковского, издавшего часть памятника) отмечены обе формы. Во всех случаях употребления *neĉā* прослеживается лишь количественное значение «сколь много», «многие», «некоторые», в форме *nežā* отмечается как качественное, так и количественное значения. Ср. *Ćarx dōnmāginūv pišesin budur: jigitlāri qoža ejlār vā qožalary gör nežā ejlār* (K.D. 80) 'Каково назначение (дело) колеса времени; юношей оно делает стариками, а стариков, смотри,

какими»; *Görmäzmişin şol jaş oty qaty jeldän nežä sälämät qurtylur* (K.D. 84) 'Разве ты не видишь, как благополучно спасается эта молодая трава от сильного ветра'; ...*vä ögüt sözün nečä qaty olursa sürmäk gäräk* (K.D. 64) 'И как бы (сколь бы) ни было горько слово совета, его следует предлагать'; *nečä aşuq awa dutunmuşydu* (K.D. 87) 'Сколь много было влюбленных в нее'.

Определенную дифференциацию форм мы отмечаем и в рукописи памятника XIII в. «Юсуф и Зулейха» Шейяда Хамзы: *Sor anlara nečä* (نیچه) *gündür gäläli* (Yus. Z. 90) 'Спроси их, сколько уже дней, как они пришли'; *Ja nečä* (نیچه) *qardaşsyz bir ejdüwüz* (Yus. Z. 91) 'И сколько вас братьев, скажите'.

Форма *nečä* в этом памятнике выступает, как правило, с количественным значением «сколько», «как много»; форма *nežä* — со значением «какой», «как», но иногда и «сколько», «как много». Ср.: *Aşuq idüm bän sawa nežä* (نیچه) *zamān* (Yus. Z. 31) 'Сколько времени была влюблена в тебя'.

В известной степени эта же черта прослеживается и в памятниках XV—XVI вв. В хронике Нешри, в одной из рукописей которой передача /ž/ и /č/ находит достаточно отчетливое выражение, наблюдается определенная закономерность и в передаче интересующих нас форм. Значение «как много», «многие» передается в большинстве случаев через *نیچه*, значение «какой», «как» — через *نیچه*. Ср.: *Bir gūn bu qyz burc kenaryna gelür ta ki türklä nežä žeñg edärlär temäşa edä* (Neş. Men. 1, 47) 'Однажды эта девушка выходит на край крепостного вала, чтобы посмотреть, как сражаются с турками...'; *Murād hāna bir nečä baş gönderdilär* (Neş. Men. 1, 53) 'Послали Мурад хану несколько голов...'

Следует отметить, что аффикс *جه* в образованиях типа *ترکجه* не имел графических вариантов, а это подтверждает, что различие на письме *نیچه* и *نیچه* было не просто орфографическим разнобоем.

Разграничение форм по передаваемым значениям достаточно четко прослеживается в памятнике XV в. «Vesilet'u-n-pesad» (Mevlid). Форма *نیچه* в этом памятнике постоянно выступает в значении качества, *نیچه* — количества. Ср.:

Işit emdi kim o fahr-ı künāt
Nežä xasta oldy vä buldy vejät (Mevlid, 20 b)

Послушай теперь, как он, гордость мироздания,
Заболел, как скончался.

Dağy ol nür nežä naql etdügini (Mevlid, 6 a)
Как он распространил то сияние

Neçä gözsüzläri gözlü qyldy ol
Neçä sözsüzläri sözlü qyldy ol (Mevlid, 14 a)

Сколько слепых он сделал зрячими,
сколько бессловесных — говорящими.

О наличии разных форм сообщал Г. Дуда в своем исследовании «Рассказов сорока везирей», хотя и отмечал, что в написании этих форм могло наблюдаться смешение¹⁴. Те же формы и их частое смешение на письме отмечает Х. Кисслинг для языка хроники Ашыкпашазаде¹⁵.

Бергамалы Кадри разграничивает *نچه* 'какой' и *نچه* 'сколько'. Ср.: *Nežädür desälär evşāfdan nä vaşf üzrädür* (Kad., 74) 'Когда говорят *nežä*, это значит, какой по качеству'; *Neçäjedür desälär bu da ginä 'adeddän istifhämdu, lākin qaç aqçajadur demäkdür* (Kad., 74) 'Когда говорят *neçäje*, то это опять вопрос о числе, однако [это] значит «за сколько денег»'.

В этом смысле показательны и данные транскрипционных памятников: *niggie* 'как' и *nesce* 'сколько'¹⁶.

Мегизер дает обе формы, дифференцируя их по значению: *pusce* 'сколько', *nige* 'каким образом'¹⁷.

О наличии двух форм достаточно определенно говорит Ф. Менинский в своем известном сочинении¹⁸. Ср.: *Nige dür şimdy* (2, 13) 'Как он сейчас поживает?'; *ja syz nige syn-uz* (2, 111) 'А как поживаете вы?'; *Nice kimse ciok faideye taetae itmek ile...* (2, 151) 'Многие люди, жажда большой выгоды...'

Памятники XVII—XVIII вв. выявляют обе формы, однако наблюдается смешение значений: обе формы употребляются как в значении качества (не столь часто), так и в значении количества с явной утратой вопросительного характера местоимения. В том или ином памятнике предпочитается одна из указанных форм. Например, в «*Sihannüma*» Кятиба Челеби (середина XVII в.) преобладает *نچه*. Ср.: *şer'dä istişqaq edär ki jağyna muhālif şer' neçä olur* (Çel., 18) '...сомневаются в шариате и начинают вопрошать: как может быть шариат, противоречащий истине?'; *Hatt-ı istivādan şimāl şarafyna eqālimdä hāl neçä isä ženub şarafynda dahy ol mihvāl üzrädür* (Çel., 53) 'Каково положение в климатических поясах к северу от экватора, таково же положение в южной стороне'; *Jünān kitāblarynda ava men-süb neçä hikājälär jazylmysdur* (Çel., 76) 'В [древне]греческих книгах сколько рассказов написано о нем'.

Но тот же памятник дает и форму *nežä*: *Tūfān-ı amm-*

dan sonra bu qadar sular neǰä oldy (Çel., 87) 'После потопа как получилось столько воды?'; *Neǰä jyllar* (Çel., 11) '... многие годы'.

Употребление *neǰä* в памятниках XIII—XVI вв. в количественном значении и употребление *neǰä* в некоторых памятниках XVII в. (например, у Кятиба Челеби) в качественном значении являются результатом графического неразличения *neǰä* и *neǰä*.

Итак, памятники XVII—XVIII вв. сохраняют обе формы, и обе продолжают быть нормой книжного языка, однако по сравнению с памятниками более ранних периодов различие значений в них ослабляется. Как мы видели выше, в памятниках более ранних периодов формы дифференцированы: форма количества — *neǰä* и форма качества (преобладающее употребление) — *neǰä*, хотя последняя могла выступать и с количественным значением. В памятниках XVII—XVIII вв. обе формы сближаются в том смысле, что в обеих на первый план все больше начинает выступать значение «как много», «многие», хотя сказать, что качественное значение в *neǰä* утрачено полностью, все же нельзя. Следует думать, что к указанному времени этот процесс завершился в разговорном языке.

Для литературного языка XIX в. уже можно говорить об утрате формы *neǰä* и о значительном сужении сферы употребления формы *neǰä*. Она еще встречается в значении «как много», вытеснив в литературном языке в этом смысле форму *neǰä*, и очень редко выступает в значении «какой», «как». По данным «Le guide de la conversation en français et en turc» (Paris, 1839), *neǰä* можно обнаружить только во фразах типа *biraderiniz neǰädür*. Характерно, что во втором издании того же труда (1852) *neǰä* везде заменено на *nasyl*. В обоих изданиях форма *neǰä* изредка проходит в значении «как много», в котором она выступает и в современном языке.

Различение обеих форм отмечено в некоторых современных восточных и юго-восточных диалектах. Ср. формы *neǰä* и *neǰä*, выявляемые в диалектах Газиантепа О. Аксом. *neǰijä* (Aksoy, 140) 'за сколько'; *Turgut neǰoldu (niǰä ol'du)* (Aksoy, 306—307) 'Что стало с Тургутом?'

Итак, в отношении форм *neǰä* и *neǰä* по памятникам турецкого языка можно сделать следующие выводы:

1. На протяжении письменной истории турецкого языка существовали обе формы: *neǰä* ~ *niǰä* — как элемент, возникший в период кристаллизации собственно огузских

черт, и *neĭä* — общетюркский элемент. Следовательно, отнесенная хронология этих форм различна.

2. В ранних памятниках уже отмечалась дифференциация: в *nežä* — значение качества (на втором плане значение количества), в *neĭä* — значение количества (качественное значение как будто не выявляется).

3. Для письменного периода (XV—XVI вв.) дифференциация форм сохраняется, хотя в целом их удельный вес начинает падать за счет развития вопросительных местоимений аналитического типа (*nä*+заимствованное слово). Вместе с тем следует предполагать, что *neĭä* все больше становится формой книжной, корреспондируясь, с другой стороны, с той же формой в диалектах, в основном азиатских. Из разговорного языка столичного ареала она постепенно вытесняется формой *nežä*, которая принимает количественные значения, свойственные *neĭä*. Это приводит к тому, что в памятниках XVII—XVIII вв. наблюдается разноречивость в написании указанных форм, так как их разделение еще обуславливалось книжной традицией.

4. На фоне взаимодействия с другими вопросительными местоимениями и наречиями в *nežä* происходит сужение значений; она утрачивает значение качества и становится лишь формой наречия со значением «как много», «многие». Таким образом завершается переход из сферы лексикограмматической в сферу лексическую.

Как известно, формы *neĭä* и *nežä* как противопоставленные по значению в том смысле, о котором говорилось выше, отмечаются в современном азербайджанском языке. Этот процесс было бы заманчиво объяснить расщеплением единого аффикса (или семантическим расщеплением единой формы слова), однако здесь встречаются определенные трудности.

Как показывают памятники, в древнетюркском *neĭä* выступало лишь со значением количества¹⁹, а для значения подобия по образу или признаку выступала однозначная форма *netäg* при наличии группы единиц (*neĭük, negü, negülük, netük*), употреблявшихся в обстоятельственной функции со значением «как», «каким образом», «почему».

В кыпчакских языках, где сохранилось *neĭük* (ср. тат. *ничэк*, башк. *нисэк*, кумык. *ничик*, в туркм. в составе *не-неңичик*), оно выступает, как правило, в обстоятельственной функции. О возможности аналогичных форм выступать и в качестве приименного определения (где господствующее положение в восточном ареале заняли формы от корня *qaj-*: *qaju, qajsy, qandaj*) говорит употребление *negü* в среднеазиатском Тифлисе: *negü işkä kâldiv* 'по како-

му делу пришел'²⁰. Поэтому представляется **правильной** идея Ж. Дени о том, что юго-западную форму *nežä* следует не отождествлять с *nečä*, но увязывать с формой *nečäk*.

Аффикс *-čiq/-čäk* как форма словоизменительная оставил следы в таких местоименных образованиях, как *qan-čiq* (МК_у, I, 203), *nerežäk* (Кор.), совр. тур. *oražyq(ta)*, *šuražyq(ta)*, причем, если *qančiq* уже само по себе передавало значение направления, то в более поздних формах (типа тур. *nerežäge*, *oražyqta* и др.) пространственное значение формы уточняется падежами, а сам аффикс приобрел значение подчеркнутого ограничения в пространстве. Это позволяет предположить, что плеонастический комплекс *-čiq/-čäk* исторически выступал с пространственным значением (идея направления) как элемент падежной системы. Отсутствие такого значения в *nečäk* было связано с историческим противопоставлением местоименных корней *nä* и *qaj*, которое исключало в первом конкретные пространственные значения (ср. в древнетюркском *näkä* 'почему', 'зачем', 'каким образом', но не 'куда').

Можно предположить существование варианта *nečäk* (ср. *näläk*, отмечаемое у Махмуда Кашгарского для «других тюрков»), что в период кристаллизации огузских черт, в том числе регулярности глухого/звонкого в аффиксе, могло дать *nežäk* > *nežä* 'как', 'каким образом', 'почему'. Редко отмечаемая в памятниках XIII—XIV вв. форма *nešä* в том же значении (но не 'сколько') была своеобразным звеном в дифференциации форм *nečä* и *nežä* < *nežäk* в огузском ареале.

Заметный позднекыпчакский слой в восточноогузском (соответственно в современных азербайджанском и туркменском) поддержал сохранение в нем общетюркской формы *nečä* и семантического противопоставления *näčä* 'сколько': *näžä* 'какой', 'как'.

Гагаузский язык, оказавшийся на периферии огузского ареала, в процессе своей истории утратил форму *nečä* 'сколько', сохранив *nežä* 'какой', 'как'.

В туркменском языке сохранилось противопоставление форм, однако в его кыпчакском варианте: *nečä*—*nečik*.

В турецком языке процесс взаимодействия двух форм, который шел на фоне сложения аналитических форм в области местоимений (ср. *nä+asyl* > *nasyl*, *nä qadar* и др.), привел к постепенному вытеснению *nečä* 'сколько', перемещению *nežä* 'какой', 'как' на периферию лексико-грамматической системы местоимений и к его значительным семантическим трансформациям.

СОКРАЩЕНИЯ

- ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Малов — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- МКУ — Маҳмуд Қошғарий. Девону луғотит турк. 1—3. Тошкент, 1960—1963.
- Тэфсир — А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского Тэфсира XII—XIII вв. М., 1963.
- Abu-H — A. Saferoğlu. Abu-Hayyân. Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk. Istanbul, 1931.
- Aksoy — Ömer Asım Aksoy. Gaziantep ağzı. 1. Istanbul, 1945.
- Atebet. — Reşid Rahmeti Arat, Atebetü'l-Hakayik. Istanbul, 1951.
- Brockelman — С. Brockelman. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.
- Çel. — Kâtib Çelebi. «Cihännüma». Istanbul, 1733.
- Ëttuhf. — Et-tuhfet-üz-zekiyye fil lûgat-it türkiyye, çeviren Besim Atalay. Istanbul, 1945.
- Gabain — A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Lpz., 1950.
- Garib-n — «Гариб-наме», по кн.: В. Д. Смирнов. Образцовые произведения османской литературы. СПб., 1903.
- Ibn-Muk. — Ибн-Муханна, по кн.: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1901.
- Kad. — Bergamalı Kadri. Müeyessiret-ül-Ulûm. Yayınlayan Besim Atalay. Istanbul, 1946.
- K. D. — A. Zajączkowski. Studja nad językiem staroosmańskim, 1. Wybrane ustępy z anatolijskotureckiego przekładu Kalili i Dimny. Kraków, 1934.
- Kop. — A. Zajączkowski. Studja nad językiem staroosmańskim. 2. Wybrane rozdziały z anatolijskotureckiego przekładu Koranu. Kraków, 1937.
- Mevlid — Süleyman Çelebi. Vesilet'un-Necat. Mevlid. Ankara, 1954.
- Muh-n — Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджиба. М., 1961.
- Neş. Men. — «Cihännüma», die altosmanische Chronik des Mevlânâ Mehmed Neschrî im Auftrage der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin nach Vorarbeiten von Theodor Menzel, hrsg. von Franz Taeschner. Bd 1—2. Lpz., 1951—1955.
- S. V. — «Sultan Veled'in türkçe manzumeleri». Yayınlayan ve işleyen Mecdut Mansuroğlu. Istanbul, 1958.
- PhTF — «Philologiae Turcicae Fundamenta». 1. Wiesbaden, 1959; 2. Wiesbaden, 1964.
- Yus. Z. — Şeyyad Hamza. Yusuf ve Zeliha. Nakleden Dehri Dilçin. Istanbul, 1946.

¹ O. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1851.

² J. Deny. Grammaire de la langue turque. P., 1921, с. 930.

³ Г. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 52—53.

⁴ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 191—192.

⁵ Z. Korkmaz. Türk dilinde -ça eki ve bu ek ile yapılan isim teşkilleri üzerine bir deneme.— TDA. 1958, с. 50—52, 61—63.

⁶ См. соответствующие разделы в PhTF. Т. 1. 1959.

⁷ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с. 102.

⁸ J. Deny. Grammaire, с. 1100.

⁹ H. Duda. Die Sprache der Qyrq Vezir-Erzählungen. Bd 1. Lpz., 1930, с. 52.

- ¹⁰ Z. Korkmaz. Türk dilinde *-ça* eki, с. 53.
- ¹¹ M. Ergin. Türk dil bilgisi. İstanbul, 1962, с. 263.
- ¹² A. Saferoğlu. Güney-doğu illerimiz ağızlarından toplamalar. İstanbul, 1946, с. 299.
- ¹³ В. Г. Гузев. Опыт фонологической интерпретации некоторых графических особенностей ленинградского списка «Сказания о Мелике Данышменде». — Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 39.
- ¹⁴ H. Duda. Die Sprache der Qırq Vezir-Erzählungen, с. 52, 58.
- ¹⁵ H. Kissling. Die Sprache des Aşıkpaşazade. Breslau, 1936, с. 21.
- ¹⁶ A. Bombaci. La «Regola del parlare turche» di Filippa Argenti. Napoli, 1938.
- ¹⁷ Megiser (Hieronymus). Institutionum linguae turcicae libri quatuor. Lpz., 1612, 11.
- ¹⁸ F. Meninski. Institutiones linguae turcicae. T. 1—2. 1756.
- ¹⁹ ДТС, с. 356.
- ²⁰ А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского Тевфира XII—XIII вв. М., 1963, с. 228.